МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Ковалев Максим Константинович

Государственная информационная политика Российской Федерации как инструмент противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности

Специальность 5.5.2.
Политические институты, процессы, технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель – ***Манойло Андрей Викторович –***
доктор политических наук, доцент

Официальные оппоненты – ***Шабров Олег Федорович –***
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры государственной политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

Зеленков Михаил Юрьевич –
доктор политических наук, доцент
заведующий кафедрой национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму
факультета комплексной безопасности и основ военной подготовки Российского государственного социального университета

Левчук Николай Николаевич –
доктор политических наук,
главный научный сотрудник 5-го научно-исследовательского управления (военно-гуманитарных исследований) Научно-исследовательского института Вооруженных Сил Республики Беларусь

Защита диссертации состоится «23» октября 2025 г. в 16 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.055.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192, Ломоносовский проспект, д. 27 корп. 4, корпус «Шуваловский», ауд. Г-625.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: https://dissovet.msu.ru/dissertation/3512

Автореферат разослан «___» сентября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.1,
кандидат исторических наук, доцент М.Г. Абрамова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется следующим рядом факторов.

Во-первых, масштабные и глубокие изменения современной системы международных отношений ведут к росту турбулентности, обострению внешне- и внутриполитических конфликтов, что, в свою очередь, ведет к появлению новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации. В этих условиях на передний план выдвигается вопрос об организации эффективной защиты личности, общества и государства, ключевым элементом которой становится государственная информационная политика (ГИП).

Во-вторых, использование современными государствами в политической борьбе новейших форм, методов и технологий информационного противоборства ведет к возникновению новых вызовов и угроз. В информационной сфере такими угрозами становятся новейшие формы и методы ведения информационной войны и организации цветных революций, кибернетические операции и идеологические диверсии. При этом эффективное и системное противодействие данным вызовам и угрозам может быть обеспечено только на уровне государственной политики.

В-третьих, Россия и страны Запада сегодня находятся в состоянии информационной борьбы, которая демонстрирует тенденцию к все большему обострению. Дополнительную угрозу создает доминирование «коллективного Запада» в информационно-коммуникационной сфере и практически монопольное глобальное влияние западных СМИ и платформ, которые транслируют недружественную по отношению к России повестку и вводят ограничения на деятельность России в информационном пространстве. В этих условиях основным инструментом противодействия данным угрозам также становится выверенная государственная информационная политика.

В-четвертых, в условиях проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине (СВО) одним из основных направлений боевых действий стало информационное противоборство, в котором борьба ведется в виде информационных диверсий и других видов информационных операций, фейковых новостей, дезинформации и других методов манипуляции общественным мнением. Кроме того, в ходе самой СВО происходит изменение форм, методов и подходов к организации информационной борьбы, что также создает новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и актуализирует поиск и разработку инструментов противодействия им.

В-пятых, происходит трансформация всей системы планирования и реализации государственной информационной политики Российской Федерации: приняты новые нормативно-правовые акты, регулирующие информационную сферу, созданы новые подразделения в органах государственной власти и расширяются полномочия действующих контрольно-надзорных структур, заблокированы ряд соцсетей и мессенджеров, крупных СМИ и цифровых ресурсов, растет количество заблокированных сайтов с нежелательной и ложной информацией[1]. Появление новых концептуальных основ, форм и методов реализации государственной информационной политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности в ответ на возникающие вызовы и угрозы свидетельствует о важности изучения особенностей изменения форм и методов деятельности государства в информационной сфере в условиях «неожиданных вводных» (факторов, появление которых до начала СВО вряд ли можно было предсказать).

Степень научной разработанности. В целом, научные труды, посвященные исследованию государственной информационной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности, можно разделить на семь основных групп.

Первую группу научных публикаций составляют философские и социологические интерпретации трансформаций современного общества, которое представляет собой среду реализации ГИП. Данные интерпретации, в целом, можно объединить под общим названием *теории информационного общества*, так как в фокусе их внимания оказываются, прежде всего, информационно-коммуникационные процессы и технологии, а также социокультурные характеристики современности. Среди теорий информационного общества можно выделить ряд подходов.

Сторонники *первого* подхода трактуют современное общество как постиндустриальное и информационное. Это труды Д. Белла, Р. Дарендорфа, П. Дракера, Р. Катца, Й. Масуды, Р. Райха, Т. Стоуньера, Э. Тоффлера, А. Турена[2].

Второй подход представляет собой постмодернистский взгляд на современные процессы (З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, С. Лэш, Дж. Урри[3]). Исследователи этого направления настаивают на наступлении эпохи

---

[1] Роскомнадзор в 2022 году внес более 384 тыс. ссылок в Единый реестр запрещенной информации // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/17071733 (дата обращения: 28.05.2025).

[2] *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. – 783 с.; *Райх Р.* Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М., 1999. С. 506 – 527; *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981. – 171 p.; *Тоффлер Э.* Третья волна. – Москва: АСТ, 2004. – 781 с.; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.; и др.

[3] *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция. Тула, 2013. – 204 с.; *Ваттимо Дж.* Прозрачное общество. М.: Логос, 2002. – 128 с.; *Lash S., Urry J.* Economies of Signs and Space. *Sage, 1994. – 368 p.; Бауман З.* Текучая современность. СПб: Питер, 2008. – 240 с. и др.

постмодерна, что обуславливает ее крайнюю нестабильность и неопределенность.

Представители *третьего* подхода – теорий информационного общества в лице Э. Гидденса, Дж. Ритцера и др.[4], напротив, называют современность «поздним модерном».

Сторонники *четвертого* подхода говорят о формировании постинформационного общества (В.А. Евдокимов, А.И. Ракитов, Дж. Хант[5]).

Ко **второй группе** работ относятся исследования в области *политической коммуникации*. Прежде всего, это классические теории, такие, как теория «волшебной пули» Г. Лассуэлла[6], «полезности и удовлетворения потребностей» Дж. Блумера, Э. Каца, П. Лазарсфельда, Д. Маккуэла[7], «установления повестки дня» У. Липпмана, М. МакКомбса, Э. Ноэль-Нойман, Д. Шоу[8], структурно-функционалистские теории политической коммуникации Н. Винера, К. Дойча, Р. Мертона, Т. Парсонса[9], неомарксистские исследования политической коммуникации Т. Адорно, В. Беньямина, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, Г. Шиллера[10], теория «идеологических аппаратов» Л. Альтюссера, А. Грамши, Г. Дебора, Д. Фиска, Ж. Эллюля[11], «торонтская школа» коммуникации Г. Инниса, М. Маклюэна[12], социокультурный подход к исследованию политических коммуникаций и «cultural studies» Дж. Кэри, Е. Ротенбюлера, Р. Хоггарта, С. Холла[13]. А также современные теории

---

[4] *Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. – 120 с.; *Ритцер Дж.* Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; вступ. Статья Т.А. Дмитриева. М.: «Праксис», 2011. – 592 с. и др.

[5] *Евдокимов В.А*. Системное искажение сообщений в постинформационном обществе // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19). С. 121–128; *Ракитов А.И.* Постинформационное общество // Философские науки. 2016. № 12. С. 7–19; *Hunt J.* The Post-Information Society// The Virginia Quarterly Review. Winter 1994. P. 38–50 и др.

[6] *Lasswell H.* Propaganda Technique in the World War. London, 1927. – 328 p.

[7] *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice: How the Voter makes up his Mind in a Presidential Campaign. Third Edition. – N.Y.: Columbia University Press, 1968 – 179 p.; *Blumler J.G., McQuail D.* Television in Politics: its Uses and Influence. – London, 1968. – 379 p.

[8] *Липпманн У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.; *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с. и др.

[9] *Парсонс Т.* О социальных системах / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. – 831 с.; *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с. и др.

[10] *Беньямин В*. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. – 239 с.; *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М. – СПб. Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.; *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. – 325 с. и др.

[11] *Альтюссер Л.* Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). – С. 159 – 175; *Грамши А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. I. Пер. с ит. М., Политиздат, 1991. – 560 с.; *Дебор Г.* Общество спектакля. М.: Логос, 2000. – 184 с.; *Ellul, J.* Propaganda: the formation of men's attitudes. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1972. –328 p. и др.

[12] *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры/Пер. с англ. А.Юдина, Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.; *Innis H.* The Bias of Communication - Toronto: Toronto University Press, 2nd edition (September 1, 2008) – 304 p.

[13] *Hoggart R.* Humanistic Studies and Mass Culture // An english temper. Essays on education, culture and communication / R. Hoggart. – London: Chatto & Windus, 1982. – P. 125-136; *Hall S.* Encoding / Decoding // Culture,

коммуникаций – платформенно-центристская (У. Клингер, Дж. Свенссон), алгоритмический gatekeeping и agenda-setting 2.0 (Д. Акемоглу, И. Вернинг, М. Джексон, К. Карпинен, П. Наполи, А. Хедман), computational communication science (А. Юнгер), концепция «сетевой пропаганды» (С. Брэдшоу, Г. Бэйли), аффективная коммуникация (Е. Хан), медиатизация 3.0 (Ю. Ариель) и др.[14]

В области исследования политической коммуникации стоит также отметить работы А. Бениджера, П. Бергера, Г. Блумера, Ж. Бодрийяра, П. Бурдье, И. Гоффмана, М. Джонсона, М. Кастельса, Дж. Лакоффа, Т. Лукмана, Н. Лумана, Л. Макнайта, У.Р. Неймана, Л. Пая, Р. Дж. Соломона[15].

Среди отечественных исследований в данной области необходимо выделить труды М.С. Вершинина, С.В. Володенкова, М.Н. Грачева, Т.В. Евгеньевой, Ю.В. Ирхина, А.Г. Кисилева, П.Н. Киричека, О.Ю. Малиновой, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, В.П. Терина, С.А. Шомовой, О.Г. Щениной и других[16].

К **третьей группе** относятся работы авторов, посвященные исследованию *государственной информационной политики* и различных аспектов ее реализации. Это монографии и статьи отечественных исследователей В.Д. Байрамова, И.А. Василенко, Е.Л. Головлевой, С.Э. Зуева, С.Г. Кара-Мурзы, А.Г. Киселева, П.Н. Киричека, А.А. Ковалева, С.В. Коновченко, А.А. Лихтина, А.В.

Media and Language / ed. by S. Hall, D. Hobson, A. Lowe and P. Willis. – London: Anchor Brendon, 1980. – P. 128-138; *Carey J.W.* Communication as culture: Essays on media and society. Winchester,MA : Unwin Hyman, 1989. – 205 p.; *Rothenbuhler E. W.* Argument for a Durkheimian theory of the communicative. Journal of Communication, 43(3). 1993 P. 158—163.

[14] *Ariel Y., Elishar V.* Political Communication and the Hype Cycle: Tracing Its Evolution across the Digital Era // Journalism and Media. 2025. Vol. 6, № 2. Art. 87.; *Klinger U., Svensson J.* Network Media Logic Revisited: How Social Media Have Changed the Logics of the Campaign Environment // The Routledge Handbook of Political Campaigning / ed. D. Lilleker и др. — London : Routledge, 2024. С. 30–44; *Skovsgaard M., Hedman A.* Algorithmic Agenda-Setting: The Subtle Effects of News Recommender Systems on Political Information // New Media & Society. 2024. Vol. 26. P. 1–20; *Acemoglu D., Jackson M., Werning I.* AI and Social Media: A Political-Economy Perspective. Cambridge (MA): MIT Economics Working Paper, 2025. - 45 p. и др.

[15] *Луман Н.* Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. – 256 с.; *Блумер, Г.* Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: тексты / Под ред. Т. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. - М.: Изд-во МГУ, 1984. – С.173-179; *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004 – 252 с.; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. – 323 с.; *Pye L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. − Oxford – New York, 1987. – 442 p.; *Бурдье П.* О символической власти. // Социология социального пространства. — Москва: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. С. 87 – 96; *Neuman W.R., McKnight L., Solomon R.J.* The Gordian Knot: Political Gridlock on the Information Highway. Cambridge, Mass., 1997. – 344 p. и др.

[16] *Киселев А.Г., Киричек П.Н.* Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Vol. 19. №2. С. 322 – 336; *Щенина О.Г.* Политические проекции коммуникаций в сетевом обществе // Социально-гуманитарные знания. 2018. №3. С. 209-220; *Соловьев А. И.* Дискурсы и пракисисы: может ли идеология помочь в управлении государством // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2018. № 1. С. 7–29; *Малинова О.Ю.* Символическое пространство современной политики. Основные тенденции трансформации публичной сферы // Публичная политика в современной России: субъекты и институты: сборник статей. М., 2006. С.60–71; *Володенков С. В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Проспект Москва, 2018. – 272 с. и др.

Манойло, Л.В. Мрочко, Ю.А. Нисневича, В.Ф. Ницевича, В.Д. Попова, А.А. Стрельцова, О.А. Судоргина, Т.А. Тризно[17]. А также концепции и подходы зарубежных авторов А. Вендта, С. Вулли, Дж. Гренига, П. Данливи, Я. ван Дейка, М. Льюиса, Х. Маргеттс, Н. Хомски[18].

Четвертая группа состоит из исследований, посвященных *национальной безопасности* и общим вопросам ее обеспечения. Ведущими исследователями в этой области являются З. Бжезинский, Г. Браун, А.В. Булавин, О.Н. Быков, А. Бэттлер, А.В. Возженикова, М.Ю. Зеленков, О.Г. Карпович, П. Дж. Каценштейн, Г. Киссинджер, А.А. Кокошин, М.П. Леффлер, О.М. Михайленок, Г. Найсенбаум, А.И. Поздняков, И.В. Радиков, Ф. Фукуяма, Л.Т. Шпигель[19].

Пятую группу составляют работы по изучению новых вызовов и угроз национальной безопасности в информационной сфере. Прежде всего, это труды, связанные с введением в научный оборот и исследованием феномена *информационной войны*. Это работы зарубежных ученых – Дж. Аркиллы, Д. Деннинга, Дж. Дэвида, М. Либики, С. Макдональда, Т. МакКелдлина, Г.Г. Почепцова, К. Санстейна, Дж. Стейна, Р. Талера, П. Тейлора, Р. Шафрански[20], и отечественных исследователей – Н.А. Брусницина, А.И. Ватулина, А.В. Виловатых, Л. В. Воронцовой, А.В. Забарина, С.А. Комова, Н.А. Костина, В.П. Краснослободцева, В.Е. Лепского, В.А. Лисичкина, В.С. Пирумова, А.В.

---

[17] *Глушко Ю.В.* Совершенствование взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации в Республике Крым // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2022. №3. С. 124-131; *Михайлов Д.О.* Взаимодействие традиционных СМИ и власти в вопросах реализации государственной информационной политики России// Коммуникология: электронный научный журнал. 2022. Том 7. №2. С.34-42; *Маслов А.С.* Государственная информационная политика: проблемы формирования и организации // Воронеж, 2020. С. 349-353 и др.

[18] *Dunleavy P.; Margetts H.* Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance // Public Policy and Administration. 2023. Т. 38, № 4. P. 421-445; *Lewis M.; Govender E.; Holland K.* (ред.) Communicating COVID-19: Media, Trust, and Public Engagement. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. - 480 p.; *Van Dijk J.* The Network Society. 4-е изд. London: Sage, 2020. - 384 p.; *Grunig J. E.; Grunig L. A.* Excellence in Public Relations and Communication Management. 30th Anniv. ed. New York: Routledge, 2021. 680 p.; *Chomsky N.* Media Control: The Spectacular Achievements of Propaganda. 2-е изд. New York: Seven Stories Press, 2024. - 96 p. и др.

[19] *Бочарников И.В.* Глобализация террористической угрозы в современном мире // Наука. Общество. Оборона. 2018. № 4 (17). URL: https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-4-17/article-0169/ (дата обращения: 31.05.2025); Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии / А.В. Булавин, О.Г. Карпович, А.В. Манойло, В.Б. Мантусов. М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.; *Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2018. – 544 с.; *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. с англ. М. Н. Десятовой. М.: АСТ, 2014. – 287 с.; *Brown H.* Thinking about National Security: Defense and Foreign Policy in a Dangerous World. Colorado, 1983. – 288 p.; *Popescu I.* No Peer Rivals: American Grand Strategy in the Era of Great Power Competition. Ann Arbor:Univ. of Michigan Press, 2024. - 368 p.; *Floyd R.* The duty to secure: from just to mandatory securitization // International Affairs. 2024. Vol. 100, № 6. P. 2666-2688; *Shapiro J.* Winning without fighting: Resilience as national security imperative // Irregular Warfare Initiative, 02.05.2025. [Электрон. ресурс]. URL: https://irregularwarfare.org/articles/winning-without-fighting-resilience-as-national-security-imperative/ (дата обращения: 10.05.2025). и др.

[20] *Stein G.* Information Attack: Information Warfare In 2025. Air Force 2025 series. Maxwell AFB, AL: Air University, Air War College, 1996. – 41 p.; *Почепцов Г.Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Эксмо, 2015. – 300 с.; *Szafranski R.* Neocortical warfare? The acme of skill // In Athena's camp. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 1997. P. 41 – 55; *Denning D.E.* Information warfare and security. Reading etc., 1999. – 522 p.; *Libicki M.C.* Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007. – 323 p. и др.

Раскина, С.П. Расторгуева, В.Н. Ремарчука, М.А. Родионова, И.В. Тарасова, Д.Б. Фролова, В.И. Цымбал, Л.А. Шелепина[21].

Отдельно можно выделить отечественные и зарубежные исследования *информационных операций* Д. Аллена, Л. Армистеда, Р. Вандомма, Р. Глока, А. Дэвида, Е.В. Егоровой-Гантман, Д. Кампена, Т. Томаса, С. Тэтхема, А. Харриса[22].

Особое направление составляют исследования, посвященные феномену *«мягкой силы»* – О.Н. Бороха, А.Л. Вивинга, М. Галларотти, Е. Голдсмита, А.И. Гушера, И.Н. Кохтюлиной, А.В. Ломанова, Дж. Ная, А.И. Смирнова, О.В. Столетова, А.В. Торкунова, И.А. Чихарева[23], а также *«ненасильственным» технологиям смены и трансформации политических режимов* – С.Э. Билюги, И.П. Добаева, О.Г. Карповича, Дж. Лафленда, М.Э. Макфола, С.Ю. Малкова, Д.С. Малкова, Е.Г. Пономаревой, Л.Л. Фитуни, Дж. Шарпа, У. Энгдаль[24].

Шестая группа – диссертации и авторефераты по теме исследования представляют работы Я.С. Артамоновой, В.В. Борщенко, А.В. Веснина, А.В. Виноватых, А.Ю. Голобородько, Л.Х. Ибрагимова, П.А. Карасева, Е.А. Максимовой, А.А. Маркова, П.А. Махмадова, О.В. Мухина, А.И. Пономаревой, В.В. Павлова, П.П. Фантрова[25].

Седьмую группу составили публикации в отечественных и зарубежных электронных СМИ и другие материалы из сети Интернет.

---

[21] *Воронова О.Е.* Современные информационные войны. Стратегии, типы, методы, приемы/ О.Е.Воронова, А.С.Трушин. Москва: Аспект Пресс, 2021. – 175 с.; *Маслов О.Н.* Инфокоммуникационные технологии в «мягких» конфликтах XXI века / О.Н.Маслов. Москва: Горячая линия-Телеком, 2020. - 100 с.; *Краснослободцев В.П., Раскин А.В., Тарасов И.В.* Информационное противоборство: актуальные проблемы, теория // «Информационные войны». 2022. №4 (63). С. 2-5 и др.

[22] *Vandomme R.* From intelligence to influence: the role of information operations. Toronto, 2010. – 88 p.; T*homas T.L.* Cybersilhouettes. Shadows over information operations. Fort Leavenworth, 2005.; *Tatham S.* U.S. governmental information operations and strategic communications: a discredited tool or user failure? Implications for future conflict. Carlisle, 2013. – 80 p.; *Armistead L.* Information operations matters. Best practices. Dulles, 2010. – 166 p.; *Allen D.* Information Operations Planning. Norwood, MA: Artech House, 2007. – 323 p.; *Манойло А.В.* Структура современных операций информационной войны // *Вестник Российской нации*. 2018. № 4. С. 197–225 и др.

[23] *Най Дж.* Будущее власти / Пер. с англ. В. Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. - 444 с.; *Бочарников И.В.* «Мягкая сила» как феномен современной мировой политики // Дипломатическая служба. 2018. №2. С. 58 – 66; *Gallarotti M.* Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used. Division II Faculty Publications. 2011. Paper 57. – 51 p.; *Goldsmith E., Horiuchi Yusaku* In Search of Soft Power: Does Foreign Public Opinion Matter for U.S. Foreign Policy? // Crawford School Research Paper. No 8. – 45 p.; *Борох О.Н., Ломанов А.В.* От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 54–67.

[24] *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство, 2012. - 84 с.; *McFaul M.* Russia's Unfinished Revolution: Political Change from Gorbachev to Putin. New York: Cornell University Press, 2002. – 400 p.; *Карпович О.Г.* Роль США в украинском кризисе (2013–2014-е гг.) // *Международные отношения*. 2016. № 2. С. 179–188; *Лафленд Дж.* Техника государственного переворота // Оранжевые сети: от Белграда до Бишкека / Отв. ред. Н. А. Нарочницкая. СПб.: Алтея, 2008. С. 23–38 и др.

[25] *Голобородько А.Ю.* Государственная культурная политика в системе обеспечения национальной безопасности современной России: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2016 – 276 с.; *Виноватых А.В.* Информационное противоборство в политическом процессе: тренды цифровой реальности: диссертация … доктора политических наук: 23.00.02. М., 2021. – 347 с.; *Павлов В.В.* Информационная безопасность как фактор обеспечения политической стабильности общества: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2020. - 198 с.; *Борщенко В.В.* Политическое манипулирование в Интернет-пространстве как угроза информационной безопасности: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02. СПб., 2021. - 374 с.; *Жуков А.В.* Социальные сети как инструмент политической власти: влияние на международную безопасность: диссертация ... кандидата политических наук: 22.00.05. М., 2021. - 155 с. и др.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные документы, публичные заявления и выступления официальных лиц, статистические данные и результаты социологических мониторингов[26], социально-экономические показатели, а также результаты анализа сообщений в СМИ и социальных сетях. В работе также использовались доклады экспертно-аналитических центров[27], материалы российских и международных научно-практических и общественно-политических форумов, конференций, семинаров, заседаний рабочих групп и т.д.

Цель исследования – выявить особенности организации противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности в системе государственной информационной политики Российской Федерации, позволяющие не только оперативно реагировать на данные угрозы по факту, но и действовать на упреждение, проактивно, выявляя и парируя угрозы национальной безопасности в информационной сфере на ранних стадиях их возникновения.

Задачи исследования:

- выявить и классифицировать современные научные подходы к государственной информационной политике, определить сущностные черты государственной информационной политики как механизма власти;
- выявить характеристики, роль и дать определение социокультурного измерения государственной информационной политики;
- систематизировать концептуальные представления о ведении современных войн, вызовах и угрозах безопасности, выявить особенности взаимосвязи и взаимозависимости государственной информационной политики и национальной безопасности РФ;

---

[26] Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Российское общество в условиях пандемии: год спустя (опыт социологической диагностики). 2021. № 2. М. М.: ФНИСЦ РАН. 2021 – 109 с.; Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. – 284 с.; Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года: [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]; отв. ред. В. К. Левашов; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2023 – 92 с.; Edelman Trust Institute. 2025 Edelman Trust Barometer: Global Report: отчет. Chicago: Edelman, 2025. 78 p.; We Are Social; Meltwater; Kepios. Digital 2025: Global Overview Report: ежегод. аналит. докл. London: We Are Social, 2025. 630 p.; World Values Survey Association. World Values Survey, Wave 7 (2017–2022): Dataset and Documentation. Release v6.0: [данные и метод. описание]. Stockholm: WVSA, 2024. 214 p.

[27] Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве / Академия военных наук, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, кафедра информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н.Э. Баумана / Под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016; Глобальный правый бунт: трампизм и его база / К.О. Телин, О.Н. Барабанов, Д.В. Ефременко и др. // *Доклады Валдайского дискуссионного клуба.* 2017; Ценностная солидаризация и общественное доверие в России / Проект исследовательской группы «ЦИРКОН». URL: http://doverie.zircon.tilda.ws/zennosti (дата обращения: 31.05.2025); Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века // Валдайские записки. № 105. 2019.

- выявить глобальные тенденции изменения условий реализации государственной информационной политики РФ в контексте обеспечения национальной безопасности РФ;

- выявить новые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ в информационной сфере;

- сформулировать характеристики современного российского общества как непосредственной среды реализации государственной информационной политики РФ в контексте обеспечения национальной безопасности;

- выявить особенности эволюции концептуальных основ, форм, методов и технологий реализации государственной информационной политики Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности РФ;

- определить особенности государственной информационной политики Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции на Украине;

- выявить перспективы государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации в условиях новых вызовов и угроз.

Объект исследования – государственная информационная политика Российской Федерации в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Предмет исследования – формы, методы и технологии реализации государственной информационной политики Российской Федерации в сфере противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности Российской Федерации.

Научная новизна исследования определяется характером поставленной цели исследования и решаемыми в ходе ее достижения задачами:

- выявлены и классифицированы подходы к исследованию государственной информационной политики Российской Федерации – технолого-коммуникационный, управленческий, когнитивно-социокультурный. На их основе выявлены особенности эволюции ГИП РФ от отраслевой политики до комплексного и многоуровнего инструмента власти. Предложена авторская методика уровневого анализа ГИП РФ. В ходе исследования также установлено, что государственная информационная политика РФ транслирует нарративы из различных, часто противоречащих друг другу, дискурсов, не объединенных единой системой ценностей и недостаточно сопряжённых с «культурными кодами» аудиторий;

- уточнены и систематизированы угрозы национальной безопасности РФ в информационной сфере; установлено, что они делятся на технологические, коммуникационные, когнитивно-социокультурные и институциональные, среди

которых присутствуют новые вызовы и угрозы, такие, как разрыв доверия, когнитивные войны, идеологическая и ценностная поляризации, относящиеся, в первую очередь, к когнитивно-социокультурной сфере. С помощью методов системного и численного анализа установлено, что наиболее опасными являются когнитивно-социокультурные угрозы – кризис доверия, политико-идеологическая поляризация, ценностная поляризация; затем, по убыванию степени угрозы, следуют дипфейки, сетевая пропаганда, борьба за информационные «chokepoints», «клиповое мышление»; выявлено, что в этих условиях одной из приоритетных задач информационной политики становится снижение ценностно-идеологической поляризации и дезинтеграции общества, а сама организация противодействия новым вызовам и угрозам национальной безопасности РФ в информационной сфере должна строиться на прочной когнитивно-социокультурной матрице;

- выявлены новые каналы и инструменты реализации ГИП РФ: с развитием социальных сетей такими инструментами становятся «лидеры мнений» (включая представителей экспертных сообществ), объединенные в самоуправляемые сетевые структуры. Выявлен феномен иррационально- высокого доверия граждан к социальным сетям и «ньюсмейкерам», основанный на политическом мифе о том, что именно они обладают самой свежей и оперативной информацией, получаемой «из первых рук», в то время как официальные органы власти публикуют ее с задержкой и/или с существенными изъятиями.

В диссертации делается вывод об анархичности природы сетевых отношений; о том, что, несмотря на кажущуюся аффилиацию и иерархию подчинения, на практике совокупность таких сетей представляет собой анархичную среду и в отдельные моменты может выходить из-под контроля;

- выявлены три основных модели взаимодействия субъектов ГИП РФ с негосударственными субъектами, участвующими в реализации ГИП: директивная, патрон-клиентская и центрально-периферийная. В ходе исследования выявлено, что со временем все три модели трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» федеральных ведомств и подотчетных им сеток (модель, аналогичная «Picket-fence» в федерализме);

- выявлены новые политические технологии, пришедшие в ГИП РФ уже после начала СВО – «рутинизация» и «множественная переадресация», впервые введенные в научный оборот в настоящем исследовании;

- установлено, что, начиная с 2022 года, ГИП РФ все более фокусируется на культурно-ценностном концепте безопасности (защита культуры, традиций, ценностей), что точно соответствует глобальным изменениям характера новых вызовов и угроз. При этом отмечается, что СВО стала важнейшим механизмом

развития государственной информационной политики России, благодаря чему ГИП РФ постепенно переходит от преимущественно реактивной модели реагирования на новые вызовы и угрозы к ограниченно-проактивной.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования обусловлена актуальностью ее темы. Работа конкретизирует понятие государственной информационной политики, дифференцирует его от других отраслей государственной политики в информационно-коммуникационном пространстве. Результаты исследования уточняют и развивают новые положения концептуальных документов (Стратегии национальной безопасности РФ, Доктрины информационной безопасности РФ, изменений Федеральных законов РФ), относящихся к государственной информационной политике в сфере обеспечения национальной безопасности, расширяют представления о способах ее реализации. Исследование государственной информационной политики в современных условиях дает представление о тенденциях и закономерностях эволюции ГИП, о взаимосвязи государственной информационной политики Российской Федерации и современного информационно-коммуникационного пространства, что, в свою очередь, позволяет уточнить и конкретизировать роль и место ГИП в системе национальной безопасности на современном этапе.

Практическая ценность результатов исследования состоит в том, что результаты данной работы могут быть использованы при оценке состояния информационной безопасности Российской Федерации, в дальнейших эмпирических исследованиях по отдельным вопросам государственной информационной политики и национальной безопасности Российской Федерации. Результаты работы, наряду с другими исследованиями данной проблематики, могут быть использованы для обучения специалистов и выработке практических рекомендаций для совершенствования государственной информационной политики в сфере противодействия новым вызовам и угрозам в информационно-коммуникационном пространстве.

Методологическая основа исследования государственной информационной политики представляет собой систему научных подходов и методов, объединенных единым замыслом и логикой исследования, позволяющих: вскрыть сущностные и содержательные характеристики государственной информационной политики, глубинные законы функционирования, формы и методы реализации, особенности трансформации в современных условиях, в том числе, под влиянием новых вызовов и угроз национальной безопасности; установить взаимосвязь между процессами цифровой трансформации общества, появлением и прогрессом в сфере новых информационных технологий (в том числе, в сфере управления), с одной стороны, и решением задач, возлагаемых на ГИП государством, с другой,

включая такие ключевые задачи, как защита и продвижение национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, обеспечение информационного суверенитета и безопасности, содействие безопасному и устойчивому развитию информационного общества. В этом плане ключевым инструментом настоящего исследования выступает системный подход, получивший развитие в трудах Т. Парсонса, Г. Алмонда, К. Дойча, Д. Истона, В.И. Коваленко, О.Ф. Шаброва, А.И. Соловьева, В.И. Якунина. Системный подход позволяет рассматривать ГИП РФ как систему взаимодействующих субъектов (активных участников, наделенных властными полномочиями и способных своими активными действиями оказывать существенное влияние на информационные процессы) и иных участников данного взаимодействия (в основном, негосударственных акторов, за редкими случаями, не обладающих в рамках системы ГИП правосубъектностью, но нередко выступающих важными инструментами ее реализации, а также структур экспертного сообщества), со всем многообразием выстраиваемых в рамках этой системы вертикальными и горизонтальными связями (исследуемыми в рамках структурно-функционального и сетевого подходов).

Социокультурный подход предоставил аналитический фрейм, позволяющий выявить не только структуру информационных потоков, но и вскрыть культурно-ценностные факторы формирования и реализации ГИП РФ, социокультурные трансформации и возникающие вместе с ними ключевые вызовы и угрозы, а также определить нарративное содержание ГИП РФ и его роль в обеспечении национальной безопасности, что представляется особенно значимым в контексте смещения информационного противостояния в сторону когнитивных войн.

Институциональный подход использовался для определения целей и задач государственной информационной политики Российской Федерации, реакции властных институтов (в том числе противника) на трансформирующиеся вызовы и их взаимодействие между собой. В то же время сетевой подход позволил включить в анализ политико-управленческого процесса более широкий круг акторов (в особенности отечественных и зарубежных платформ способных не только оказывать влияние на реализацию ГИП, но и самим выступать генераторами новых вызовов и угроз безопасности.

Для операционализации выводов были использованы контент- и дискурс-анализ официальных документов, заявлений и речей политиков, медиаконтента; метод анализа статистических данных международных аналитических центов и отечественных социологических служб; для выявления наиболее существенных вызовов и угроз в рамках системного подхода использовалась кросс-импакт-

матрица. В работе также применялся метод case-study для определения особенностей конкретных практик ГИП РФ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Современная государственная информационная политика – результат эволюции от отраслевой политики «пропаганды» и «связей с общественностью» к более комплексной и многоуровневой деятельности государства и одному из ключевых механизмов власти и является полем взаимодействия широкого круга государственных и негосударственных акторов и платформ. Социокультурный уровень является формообразующим для государственной информационной политики. Пересечение социокультурной сферы и государственной информационной политики представляет собой ее социокультурное измерение – пространство конкуренции политических субъектов, деятельность которых направлена на сохранение или трансформацию фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений в целях реализации собственных интересов. Совершенствование нормативно-правовой базы и технических средств фильтрации и блокировки вредоносного контента позволяет государственной информационной политике Российской Федерации эффективно выявлять и удалять недостоверную, вредоносную информацию; модернизация систем мониторинга увеличивает оперативность реакции на атаки; развитие отечественных платформ дает контроль над алгоритмами; использование новых технологий (AI, VR) действеннее доносит сообщения. Однако на социокультурном уровне ГИП транслирует набор нарративов из разных дискурсов (консервативного, националистического, советского, либерально-демократического), которые не объединяются единой системой фундаментальных норм и ценностей. Отсутствие прочной социокультурной матрицы, резонирующей с «культурными кодами» аудиторий, снижает функциональность блокировок и коммуникации, создает идеологический «вакуум», создающий условия для воздействия деструктивных нарративов.

2. Новая турбулентность проявляется в интенсификации социальных противоречий и конфликтов в развитых странах, ростом политического насилия, протестной активности и политических кризисах в развивающихся странах, обострении межгосударственных конфликтов. На этом фоне в информационной сфере возникают новые угрозы: технологические (атаки на инфраструктуру; борьба за информационные chokepoints: облачные дата-центры, кабели, ОС); коммуникационные (deepfake-кампании, цифровые санкции, сетевая пропаганда); когнитивно-социокультурные (разрыв доверия – trust-gap, ценностная поляризация, «мягкая сила»); институциональные (монополизация Big Tech, когнитивные войны, StratCom). Установлено, что наиболее значимыми оказываются когнитивно-социокультурные угрозы – кризис доверия, политико-

идеологическая поляризация, ценностная поляризация. Большую угрозу несут монополизация Big Tech, дипфейки, сетевая пропаганда, борьба за информационные «chokepoints», «клиповое мышление». В этих условиях в контексте обеспечения национальной безопасности Российской Федерации одной их приоритетных задач информационной политики становится снижение ценностно-идеологической поляризации и дезинтеграции. При этом защита общества будет эффективной в том случае, если она строится на прочной когнитивно-социокультурной матрице; в ее отсутствии снижается эффект регуляторных/технических мер и открываются «бреши» для осуществления deepfake-атак и сетевой пропаганды. Специфика российского случая заключается в непреодоленных последствиях «культурной травмы»: проявлениях ценностной рассогласованности и размежевания; незавершенности процесса формирования устойчивой национальной идентичности; негативных проявлениях социально-психологического самочувствия граждан. Для государственной информационной политики Российской Федерации эти факторы обуславливают потребность концентрации усилий на когнитивно-социокультурном уровне с целью нивелирования наиболее существенных рисков и угроз.

3. Государственная информационная политика включает в себя формирование новых каналов и инструментов информирования общества. С развитием социальных сетей такими инструментами становятся «лидеры мнений» - блогеры, специальные, военные корреспонденты, «ньюсмейкеры», представители экспертных сообществ, объединенные в формально самоуправляемые сетевые структуры. Такие сети есть у каждого из ключевых министерств и ведомств. Сети берут на себя функцию «адресной доставки» «посланий» власти до сознания каждого конкретного пользователя сети, используя для воздействия на общество технологии «grassroots»; при этом используется высокий уровень доверия граждан к данным категориям ньюсмейкеров, основанный на необоснованном предположении (политическом мифе) о том, что именно они обладают самой свежей и оперативной информацией, получаемой ими «из первых рук», в то время как официальные органы власти такой информацией не обладают, либо получают ее с запозданием и уже в искаженном виде. Сети, являясь эффективным инструментом оперативного информирования и влияния, как правило, замыкаются на конкретное министерство или ведомство и продвигают, в первую очередь, его повестку, часто игнорируя интересы «конкурирующих» госструктур и даже вступая с ними в конфликты; вся совокупность таких сетей нередко действует рассогласованно, представляя собой анархичную среду, и в отдельные

критические моменты (такие, как вторжение террористов в Курскую область в 2024 г.) может выходить из-под контроля государства.

4. Государство выстраивает отношения с сетями по принципу директивной (реализующей функцию «ручного управления»), патрон-клиентской и центрально-периферийной моделей (с преобладанием модели первого типа), нередко осуществляя управление через отдельных наиболее известных представителей данной среды, наделяемых властью особым общественным статусом («дуайенов») и отвечающих за координацию деятельности всех остальных ее представителей. Со временем эти модели трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» федеральных ведомств и подотчетных им сеток (модель, по своей структуре и принципам функционирования аналогичная «Picket-fence» в федерализме), возникающие в том случае, если партнерские связи власти и СМИ замещаются вертикальными производственными связями между чиновниками федеральных ведомств и лидерами общественного мнения, управляющими собственными сетками информационных каналов и «новыми медиа». При этом даже в условиях СВО государственная информационная политика Российской Федерации реагирует на возрастающие риски и угрозы и изменение форм, методов и технологий информационного противоборства преимущественно ситуативно и реактивно («по факту»).

5. В системе государственной информационной политики возникают новые политические технологии – такие, как «рутинизация», которая стала характерна для деятельности ряда ведомств с началом СВО. Рутинизация предполагает регулярное дозированное опубликование оперативной информации, осуществляемое по графику, в одно и то же время, с одной и той же периодичностью; такая ритмичность формирует у потребителей информации привычку, превращающуюся в рефлекс, стимулируя их в определенные моменты времени выстраиваться в очередь за новой порцией информации. Привычка привязывает потребителей к единственному источнику, который и становится для них референтным (отсекая потребность в альтернативных источниках, среди которых могут быть ресурсы противника). Эффект «рутинизации» усиливает монотонность, однообразность выступлений официального представителя соответствующего федерального ведомства, «зачитывающего» информацию, подготовленную по шаблону. Также используется технология «множественной переадресации» - когда вместо ответа на острый вопрос предлагается обратиться к официальным представителям другого министерства или ведомства, в компетенции которого он находится. После нескольких переадресаций граждане, как правило, утрачивают интерес к самому вопросу и переключаются на другие информационные поводы.

6. С 2015 года в стратегических документах Российской Федерации, посвященных вопросам национальной безопасности, прослеживается тренд на все большую нормативную институционализацию аспектов информационной безопасности. 2022-25 гг. отмечены усилением акцента на культурно-ценностном концепте безопасности (защита культуры, традиций, ценностей), что соответствует глобальным изменениям характера новых вызовов и угроз и может способствовать более эффективной защите. ГИП РФ оперативно имплементирует новые понятия и тренды в нормативные документы, но принцип формирования стратегических документов остается преимущественно реактивным (реагирующим на изменения среды с временным лагом). В настоящее время в Российской Федерации отсутствует официальный документ проактивной стратегии ГИП. Однако специальная военная операция на Украине стала важным механизмом развития государственной информационной политики Российской Федерации. В условиях конфликта в рамках ГИП РФ внедрены новые нормативные (Федеральный закон от 21.04.2025 N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»), технологические («цифровой суверенитет», ИИ-мониторинг), коммуникационные (развитие платформ) и когнитивные (медиаобразование, воспитание патриотизма, массовые культурные проекты) меры, в результате чего ГИП перешла от преимущественно реактивной модели к ограниченно-проактивной. Однако социокультурные факторы, децентрализованный кибер-активизм, deepfake-атаки, сохраняющееся влияние глобальных технологических корпораций и платформ еще создают существенные барьеры для реализации ГИП в интересах обеспечения национальной безопасности.

Апробация основных результатов исследования. Основные выводы и результаты диссертации опубликованы соискателем в 4 статьях общим объемом 2,63 п.л. (доля автора – 2,63 п.л.) в рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Основные выводы и результаты диссертационного исследования докладывались на следующих международных и всероссийских научных конференциях: Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2023» (Москва, 18 апреля 2023 г.), тема доклада: «Особенности реализации государственной информационной политики Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности»; студенческой международной конференции «Социально-аналитические технологии в современном обществе» (Москва, 19 мая 2022 г.), тема доклада: «Новые вызовы и угрозы информационной безопасности Российской

Федерации»; Международной научной конференции «Россия в условиях нового миропорядка: дилеммы, вызовы, перспективы» (к 100-летию со дня рождения А.М. Ковалева) (Москва, 22 мая 2023 г.).

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, трёх глав, разделенных на 12 параграфов, заключения, библиографического списка, включающего 253 наименования, и приложения.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, рассмотрена степень ее научной разработанности, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, охарактеризованы его теоретико-методологические основы, эмпирическая база, раскрыта научная новизна результатов исследования, освещена научная и практическая значимость исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, представлены сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава **«Теоретико-методологические аспекты исследования роли государственной информационной политики в обеспечении национальной безопасности»** посвящена изучению вопросов концептуализации термина ГИП, его дифференциации с другими смежными понятиями политической науки, выявлению его особенностей, выделении основных подходов к исследованию ГИП, социокультурному измерению ГИП, а также роли ГИП в обеспечении национальной безопасности.

В рамках первого параграфа *«Государственная информационная политика как предмет анализа политической науки»* сделан вывод о том, что как и другим государственным политикам ГИП присущи, с одной стороны, управленческая формальность и иерархичность, с другой – территориальная и внутриадминистративная гетерогенность, влияние множества факторов от включенности в процесс выработки целей и принятия решений групп интересов, сетевых коалиций и др. до индивидуальных особенностей субъектов политики. Все многообразие ГИП можно разделить на несколько уровней: технологический, коммуникационный, информационный, интерпретационный, психологический, концептуальный, социокультурный.

Во втором параграфе *«Современные научные подходы к исследованию государственной информационной политики»* классифицированы подходы к исследованию ГИП и сделан вывод о том, что в условиях развития новых информационно-коммуникационных технологий и способов их применения (в частности развития платформ и искусственного интеллекта) государственная информационная политика эволюционировала от отраслевой политики «пропаганды», политики в области СМИ, государственного PR к относительно системной, комплексной, скоординированной и многоуровневой деятельностью государства по артикуляции своих интересов путем всех типов воздействия (формирования, преобразования, хранения, передачи) на все виды информации. Современная ГИП действует в конкурентной среде политических субъектов с использованием возможностей современных информационно-коммуникационных технологий

В третьем параграфе *«Социокультурное измерение государственной информационной политики»* сделан вывод о том, что особое значение имеет социокультурное измерение государственной информационной политики, т.к. социокультурная сфера формирует социальный порядок, пространство коммуникаций и властные отношения в обществе. Социокультурное измерение ГИП представляет собой пространство конкуренции субъектов политики (одним из которых является государство) посредством сохранения или трансформации фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений. Именно оно за счет воздействия на культурные нормы, ценности и представления формируя рамку всего информационного обмена, оказывая влияние на мировоззрение и фундаментальное восприятие социальной реальности, а следовательно, во многом саму социальную реальность.

В четвертом параграфе *«Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности»* сделан вывод о том, что на современном этапе государственная информационная политика занимает одно из центральных мест в системе обеспечения национальной безопасности, что обусловлено появлением войн нового поколения и информационных войн, проведением информационных операций и применением информационного оружия (сложным комбинированием форм, методов и технологий информационного противоборства), увеличением значения неинтервенциональных средств управления политическими конфликтами, трансформацией информационной сферы в самодостаточное пространство ведения боевых действий. Все это ставит государственную информационную политику в центр системы обеспечения национальной безопасности.

Во второй главе **«Условия реализации государственной информационной политики Российской Федерации»** выделены глобальные и специальные (внешние и внутренние условия) ГИП РФ, определены и классифицированы новые вызовы и угрозы национальной безопасности в информационной сфере, выявлены наиболее существенные из них, а также определены тенденции взаимосвязи ГИП и условий ее реализации.

В первом параграфе *«Глобальные условия реализации государственной информационной политики»* сделан вывод о том, что ГИП РФ реализуется в условиях эрозии глобальных неолиберальных институтов, деглобализации, общественно-политической поляризации, платформатизации и развития искусственного интеллекта, что генерирует множество рисков: от экономических до социокультурных. Динамика развития глобального общества демонстрирует возможность его перехода в качественно новое состояние «interregnum» - состояние неопределенности и неэффективности прежних институтов и «общества травмы», для которой характерны кризис

фундаментальных институтов, дезориентация и дезорганизация общества, раскол, деструктивные социальные процессы. Для ГИП РФ такое состояние глобальных условий создает как значительные риски. Среди рисков можно выделить глубокий экономический, социокультурный и политический кризис, резкое падение уровня жизни граждан, повышение социальной напряженности и конфликтогенности, кризис легитимности, аномию и дезинтеграцию общества, социальные протесты, повышение уровня насилия и т.д.

Во втором параграфе *«Новые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере»* сделан вывод о том, что новой угрозой информационной безопасности является обострение социально-экономической и политической турбулентности на международной арене, борьба за новый мировой порядок, в ходе которого применяются современные технологии управления политическими конфликтами в форме информационной борьбы. Это ведет к возрастанию количества и интенсивности рисков и угроз в информационной сфере. Кроме того, в условиях монополизации глобального медиапространства «развитыми» странами и аффелированными с ними IT-корпорациями, социальными сетями и СМИ, другие национальные государства стремятся создать контролируемые сегменты информационного пространства. Это ведет к противостоянию его глобализации и фрагментации. Новыми вызовами и угрозами безопасности в информационной сфере становятся: технологические (атаки на инфраструктуру; борьба за информационные chokepoints: облачные дата-центры, кабели, ОС); коммуникационные (deepfake-кампании, сетевая пропаганда); когнитивно-социокультурные (разрыв доверия (trust-gap), ценностная поляризация, «мягкая сила»); институциональные (монополизация Big Tech, когнитивные войны, StratCom). Наиболее значимыми, а также усиливающими друг друга оказываются когнитивно-социокультурные угрозы – кризис доверия, идеологический раскол, ценностная поляризация, а также институциональная угроза монополизации Big Tech. Для национальных правительств это формирует задачи целенаправленного снижения идеолого-политической и ценностной поляризации общества. Когнитивно-социокультурная защита должна работать в связке «доверие + общие ценности + нарративы». В ином случае остается окно для дипфейк-атак и сетевой пропаганды.

В третьем параграфе *«Характеристики российского общества как непосредственной среды и объекта государственной информационной политики Российской Федерации»* сделан вывод о том, что российское общество вступает в глобальный социокультурный кризис, не преодолев, последствия предыдущей культурной травмы распада Советского Союза с противоречивым состоянием общественного сознания, что значительно интенсифицирует

внутренние риски и угрозы информационной безопасности. Это проявляется в ценностной рассогласованности и неопределённости; незавершенности процесса формирования национально-государственной идентичности; негативных тенденциях социально-психологического самочувствия граждан, таких как ухудшение восприятия ситуации в стране, негативное отношение к политической системе, высокий уровень политической отчужденности, оценка перемен как перемен к худшему, ухудшение оценки перспектив развития России в будущем, негативное психологическое самочувствие, неудовлетворенный запрос на социальную справедливость, неопределенный образ будущего.

В четвертом параграфе *«Тенденции взаимосвязи государственной информационной политики Российской Федерации и информационного пространства в условиях глобальных вызовов и угроз»* сделан вывод о том, что с одной стороны новые вызовы и угрозы (в особенности когнитивно-социокультурные) усиливаются внутрироссийской спецификой, с другой – новая турбулентность создает «окно возможностей» для изменения статус-кво, успешного развития собственных информационных ресурсов и укрепления суверенитета в информационной сфере.

В третьей главе **«Формирование, реализация и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности»** проанализированы новые концептуальные основы ГИП РФ, практика ее реализации, в том числе в условиях специальной военной операции на Украине, проблемы и перспективы государственной информационной политики, даны практические рекомендации по ее дальнейшей реализации.

В первом параграфе *«Концептуальные основы формирования государственной информационной политики Российской Федерации»* сделан вывод о том, что новые концептуальные основы государственной информационной политики Российской Федерации уделяют значительно большее внимание обеспечению информационной безопасности. В них отражены основные тенденции динамики глобального информационного пространства. В 2021–2023 гг. резко «усиливается» культурно-ценностный блок (акцент на защите культуры, традиций, ценностей), что демонстрирует понимание государством актуализации угроз и значимости мер ГИП в данном направлении в современных условиях.

Во втором параграфе *«Реализация государственной информационной политики Российской Федерации»* сделан вывод о том, что ГИП РФ реализуется не четкой «вертикалью» институтов, а сетевой конфигурацией акторов как государственных, так и негосударственных. Векторы их деятельности (в том числе отдельных государственных институтов) могут носить

разнонаправленный характер. Сети, являясь эффективным инструментом оперативного информирования и влияния, как правило, замыкаются на конкретное министерство или ведомство и продвигают, в первую очередь, его повестку, часто игнорируя интересы «конкурирующих» госструктур и даже вступая с ними в конфликты. Вся совокупность таких сетей нередко действует рассогласованно, представляя собой анархичную среду, и в отдельные критические моменты может выходить из-под контроля даже ведомства, с которым аффилировано. В перспективе такие сети трансформируются в технократическую модель информационной политики – в «вертикальные функциональные структуры» федеральных ведомств и подотчетных им сеток (модель, по своей структуре и принципам функционирования аналогичная «Picket-fence» в федерализме). На социокультурном уровне для ГИП РФ характерна продвижение нарративов из разных дискурсивных систем (консервативного, националистического, советского, либерально-демократического), которые не «складываются» в единую транслируемую систему фундаментальных норм и ценностей, что снижает эффективность директивных и регуляторных мер.

В третьем параграфе *«Государственная информационная политика Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине»* сделан вывод о том, что СВО стала значимым стимулом для развития и модернизации ГИП РФ. От преимущественно ситуативного реагирования на возникающие в инфополе вызовы и угрозы (использование каналов традиционных СМИ, опровержение фейков, введение нормативных ограничений, блокировки контента и др.) к внедрению новых современных форм, методов и технологий (ИИ-мониторинг и ИИ-фильтрация контента, развитие сетей инфлюенсеров и ньюсмейкеров, развитие «цифрового суверенитета» и собственных платформ, применение технологий «рутинизации» и «переадресации»). Также усилились меры по когнитиво-социокультурной обороне – медиаобразование, массовые культурные проекты, интерактивное продвижение нарративов. Это позволяет сделать вывод о переходе ГИП РФ в период СВО от реактивной к ограниченно-проактивной модели. Однако социокультурные факторы, анархичная среда сетевых каналов коммуникации, децентрализованный кибер-активизм, совершенствование технологии и увеличение массовости deepfake, сохраняющееся влияние глобальных технологических корпораций и платформ еще создают существенные препятствия для обеспечения информационной безопасности.

В четвертом параграфе *«Проблемы и перспективы государственной информационной политики Российской Федерации»* сделан вывод о том, что государственная информационная политика России функционирует в условиях

развития глобального кризиса и риска возникновения «общества травмы». Такое состояние создает информационные, социокультурные риски и угрозы, которые в свою очередь формируют серьезные угрозы всей национальной безопасности. В таких условиях ГИП становится ключевым инструментом преодоления кризиса. Также, международная турбулентность, структурные изменения информационного пространства и совершенствование форм, методов и технологий информационной борьбы являются источником новых комплексных (прежде всего когнитивно-социокультурных) вызовов и угроз информационной безопасности. Актуальными проблемами для решения посредством ГИП РФ остаются фрагментация институтов; анархичная среда, создаваемая сетями, инфраструктурные уязвимости информационных систем; крен в сторону политико-административного контроля и директивной модели управления информационным пространством. Перспективами ГИП становятся институциональная консолидация и создание центра стратегических коммуникаций; развитие когнитивно-социокультурной обороны путем специальных мер по политико-идеологической и культурно-ценностной консолидации общества; повышение доверия к госканалам коммуникации; обеспечение технологического суверенитета в сфере информационных технологий; изменение статус-кво и продвижение собственных нарративов в условиях глобальной социокультурной неопределенности.

В **Заключении** сформулированы основные выводы исследования и перспективы его продолжения. Отмечается, что с развитием технологий деятельность государства в информационной сфере стала приобретать более системный и всеохватный характер. Прогресс информационно-коммуникационных технологий шел параллельно с эволюцией форм, методов и технологий политического управления, воздействия на общественное сознание и общественное мнение. Постепенно это становилось одним из главных механизмов власти. Сегодняшние процессы платформатизации и развития искусственного интеллекта лишь актуализируют эту тенденцию, одновременно формируя для ГИП новые вызовы.

Все многообразие ГИП можно разделить на несколько уровней – технологический (средства передачи информации), коммуникационный (процесс движения информации), информационный (содержание сообщений), интерпретационный (интерпретация информации), психологический (психологические эфекты), концептуальный (политические и идеологические концепты), социокультурный (нормы, ценности, представления и др.).

Отдельного внимания заслуживает социокультурное измерение государственной информационной политики, которое лежит в основе и формирует всю информационную сферу. Социокультурная сфера является

формообразующей для всего информационного пространства и, в частности, для ГИП, т.к. формирует социальный порядок, пространство коммуникаций и властные отношения в обществе. Социокультурное измерение ГИП представляет собой пространство конкуренции субъектов политики (одним из которых является государство) посредством сохранения или трансформации фундаментальных общественных правил, норм, ценностей и представлений в целях реализации своих интересов. Именно социокультурное измерение госинформполитики оказывает косвенное, незаметное влияние на восприятие социальной реальности, т.к. касается фундаментальных норм, ценностей и представлений человека.

Особое значение ГИП приобретает в контексте обеспечения национальной безопасности. Информационное воздействие на противника перестало выполнять сервисную роль по отношению к силовым военным операциям, в ряде случаев пропорция обратная. Значительно изменилась форма войны. Методы и технологии ведения войн стали более сложными и комбинированными и имеют целью не столько нанесение физического ущерба противнику, сколько подчинение его своей воле, поэтому ведущим элементом современной войны стала когнитивная борьба.

На сегодняшний день ГИП РФ функционирует в условиях мира, который активно входит в фазу глубоких изменений. Классические институты общества модерна и капитализма в современном виде так или иначе постепенно утрачивают свою эффективность, наблюдается эрозия неолиберальных институтов глобализации, и мир входит в переходное состояние неопределенности, которое увеличивает как риски и угрозы безопасности. Новые вызовы и угрозы преимущественно концентрируются в когнитивно-социокультурной сфере, однако значительная степень концентрации технологических и цифровых ресурсов в руках глобальных Big Tech монополий, генерируемые нейросетями дипфейки, сетевая пропаганда, деятельность центров стратегических коммуникаций также представляют существенную угрозу в современных условиях. Когнитивно-социокультурные риски в силу их фундаментальной природы по отношению к информационному пространству ослабляют нормативные, технологические и коммуникационные меры безопасности. В случае России представляется возможным говорить о сочетании непреодоленных последствий «культурной травмы» и кризиса глобальных институтов, что еще раз актуализирует центральное значение ГИП в обеспечении безопасности.

Результаты исследования показали, что ГИП РФ реализуется не столько единой «вертикалью», сколько разветвленной сетевой структурой. Вокруг отдельных ведомств сформировались «пулы» ЛОМов/блогеров, которые взяли

на себя функцию «адресной доставки» сообщений власти, адаптируя их под конкретную аудиторию, стала использоваться технология «grassroots». Одновременно с этим они сформировали анархичную среду коммуникаций, зачастую, игнорируя интересы «генеральной линии» ГИП, «конкурирующих» структур и даже ведомств, с которыми аффилированы. В отдельные критичные моменты это приводит к значительной степени рассогласованности и утрате контроля со стороны государства. Выстраивание государством отношений с сетями в рамках директивной, патрон-клиентской и центрально-периферийной моделей привело к формированию «вертикальных функциональных структур» (аналогичных с «Picket-fence» федерализмом) с заменой партнерских связей на вертикальные производственные цепочки, которые реализуют прежде всего собственную информационную стратегию конкретного ведомства или группы интересов. Параллельно в практике ГИП РФ возникают новые политические технологии и формы коммуникации. Однако на социокультурном уровне продолжается трансляция нарративов из разных дискурсов, которые не формируют единой системы фундаментальных социокультурных норм и ценностей. Таким образом, новые практики ГИП РФ соответствуют тенденциям трансформации новых вызовов и угроз, однако «узкое место» когнитивно-социокультурной защиты снижает их функциональность.

Специальная военная операция на Украине стала импульсом перехода от реактивной к ограниченно-проактивной модели ГИП. Наиболее значимым в этом процессе стала автономная работа «военкоров», взявших на себя функцию не только адаптации, но и дополнения госнарративов, оперативной реации на быстро меняющиеся условия и «обратной связи», а также масштабирование использования ИИ, развитие национальных платформ и реализация массовых культурных и медиаобразовательных проектов для повышения когнитивно-социокультурной защиты общества. Однако монополизация Big Tech, концентрация значительной доли технологических и информационных ресурсов в руках «коллективного Запада», децентрализованный киберактивизм, сохраняющаяся рассогласованность сетевых коммуникаций и отсутствие устойчивой социокультурной матрицы все еще представляют существенную угрозу национальной безопасности России.

В целом, представляется, что роль государственной информационной политики как инструмента обеспечения национальной безопасности будет только возрастать. Для Российской Федерации это формирует потребность не только в своевременном реагировании на новые вызовы и угрозы, но и создание устойчивой системы по их превентивной ликвидации «на дальних рубежах».

III. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные положения и выводы исследования опубликованы в 4 научных работах автора (объемом 2,63 п.л.; доля автора – 2,63 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1. Ковалев М.К. Социокультурное измерение государственной информационной политики // Гражданин. Выборы. Власть. 2022. № 3 (25). С. 176-185 (0,63 п.л.). (EDN: VFXTGU) Импакт-фактор – 0,45 (РИНЦ).
2. Ковалев М.К. Государственная информационная политика в системе обеспечения национальной безопасности // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 1 (89). С. 166-172 (0,44 п.л.). (EDN: TCQPXA) Импакт-фактор – 0,43 (РИНЦ).
3. Ковалев М.К. Условия реализации государственной информационной политики: глобальные тренды // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 93-105 (0,81 п.л.). (EDN: FFAYZC) Импакт-фактор – 0,45 (РИНЦ).
4. Ковалев М.К. Особенности и механизмы реализации государственной информационной политики Российской Федерации // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 8-2 (96-2). С. 4109-4120 (0,75 п.л.). (EDN: OSSNTO) Импакт-фактор – 0,43 (РИНЦ).